

МОРОЖЕНОЕ В ВАФЕЛЬНЫХ СТАКАНЧИКАХ

Маме

Край света

Брат мой был на краю света. Я бы, может, не поверила, но у него есть документальное свидетельство. Фотография. На карточке они с невестой стоят на земле Англии. А за спиной у них — океан. Они стоят возле указателя, таблички вроде тех, на которых пишут названия городов и деревень по всей дороге. А на этой написано: LAND'S END, то есть «край света». Такие дела.

Дойти до края света всегда было мечтой моего Илюхи. Еще в школе, в своем и моем первом классе, он прошел весь наш город. С востока на запад и с севера на юг. Каждый день после школы брат надевал портфель на спину и шел по городу. Начал с северной больницы, есть у нас такая в городе. Не знаю, почему именно с нее. Может, потому что там тогда лежала мама, а потом она родила нашу сестру, и они лежали уже вместе. Наверное, однажды Илюха поехал навещать маму, забрался на самый край города и решил пройти его весь, с севера на юг. Наверное, так и было. Тут нельзя знать наверняка. Точно могу сказать, что он прошел весь город с севера на юг. Это заняло у него полторы четверти. В каникулы он не ходил. Точнее, ходил, но по другим каким-то делам. Например, они всем классом побывали на фабрике игрушек. У нас до сих пор лежит резиновая кукольная голова, которой еще не успели пришить волосы. Глаза уже поставили, а вот волос нет. Когда наша маленькая

сестренка увидела эту голову, то горько заплакала — испугалась. Голову закинули далеко на чердак и больше не вспоминали. Я думаю, надо было Илюхе взять ее на край света с собой. И оставить. Кукольная голова хорошо смотрелась бы на краю света. Одиноко.

Если бы не фотография, я никогда бы не поверила, что край света есть на свете. Потому что, вообще-то говоря, всем известно, что Земля круглая. Я столько раз говорила своему брату, чтобы он даже и не пытался искать край света, но он не слушался, а только просил ничего не рассказывать родителям. Конечно, чего я буду рассказывать? В конце концов они сами догадались, что с Илюхой происходит что-то не то. В нашем первом классе родителям было не особенно до нас. Родилась Людмила, с ней надо было сидеть день и ночь, водить по врачам. Все это делала наша мама, мы только помогали, а папа как раз тогда пропадал в неизвестных далях. Людмила начала так быстро расти, что вскоре ей стала мала моя одежда. Приходилось покупать новую. А к концу нашего первого класса Людмила уже стала вполне самостоятельным человеком и научилась мыть посуду. Летом вовсе читала, но в школу родители отдали ее только через два лета. Чтобы отвести подозрения. И так все соседи спрашивали, как у нас оказалась эта девочка, и не верили, что она наша. Да еще в это же время у нас в семье появилась Нина. Так что родителям было не до брата. Иногда только мама спрашивала, почему так долго нет Илюхи. Но я молчала. Уговор так уговор. Кстати, не мешало бы брату привезти мне с края света какой-нибудь камень. Потому что весь первый класс и дальше я молчала про его край света, как камень.

Мы учились в разных школах. Почему-то так решил папа. Он подумал, что дочь должна быть художницей, и отвел меня

в художественную школу. А Илюху отдали в самую обычную. Мне приходилось ездить далеко, за семь остановок. А вот брат мог даже на переменах прибегать попить чаю, проведать маму и Людмилку. И конечно, после школы он гораздо раньше возвращался. Но однажды я пришла, а Илюхи нету. Потом еще раз и еще. И так постоянно. А однажды я ехала в автобусе из школы и увидела его. Илюха шел по улице, глядел под ноги и ни на кого не обращал внимания. Я выскочила из автобуса и побежала следом. Но потом подумала и не стала догонять. Наверняка, догадалась я, у него есть какой-то секрет. А если сейчас подойти к нему, то он ни о чем не расскажет. Придется наблюдать.

Мне было неловко, даже стыдно. Подумать только, я слежу за собственным братом. Он шел и по-прежнему ни на кого не обращал внимания, а только смотрел под ноги. Под ногами шуршали листья, была осень под ногами моего брата, и у меня тоже. Так Илья прошел две остановки, перешел дорогу и сел в автобус. Я еле успела за ним. Только он вошел в переднюю дверь, а я — в другую, в конце салона. Сначала пряталась, но потом автобус остановился у моей школы, я быстренько выскочила на улицу и заскочила обратно, но уже через переднюю дверь. И оказалась прямо перед Илюхой. И даже удивилась так! Специально, чтобы он ни о чем не догадался.

— Ты откуда тут?

— У меня дело. — Видно было, что он удивился еще больше моего. Правда, по-настоящему. — Учительницу провожал.

— Зачем?

— Тетради помог нести.

— А. — Я решила пока оставить это так. Посмотрим, что будет дальше.

А дальше мама дома ругала нас, сказала, что сегодня мы что-то уж слишком долго. Илюха несколько дней приходил домой вовремя. Я, впрочем, тоже. А потом он снова продолжил свои путешествия. А я шпионила. Тогда-то и появилась у меня способность быть незаметной. Правда, я еще не умела пользоваться ею как следует. Например, на меня иногда натыкались взрослые люди. Они шли вперед и ничего не замечали. А я была увлечена слежкой и не всегда успевала уйти с дороги. Люди сбивали меня с ног и падали сами. Удивленно потирали ушибленные места и озирались по сторонам. Потом замечали меня, говорили, чтобы не путалась под ногами, и шли дальше.

Но потом я стала внимательнее ходить по городу, и никто уже не падал из-за меня. Никто меня не видел. Дошло до того, что я могла незаметно встать рядом с продавщицей груш на улице, но ни она, ни покупатели этого не видели. Но Илюха однажды заметил. Я так обнаглела, что стала ходить прямо перед его носом. Он схватил меня за руку и спросил, что я тут делаю. Пришлось во всем сознаться. Я сказала, что давно знаю про его путешествия. Тогда-то он и сообщил, что собирается добраться до края света. Вот так дела!

Конечно, я стала объяснять, что он еще маленький, а потому, наверное, не знает, что Земля круглая и конца света нету.

— Я знаю про Землю, — он говорил очень серьезно, — но край света есть. И я его найду.

Еще он сообщил, что пока тренирует ноги, хочет пройти весь город. И чтобы я, уж была любезна, не мешала ему, не подглядывала.

— Но мне страшно за тебя, ты еще маленький, вот я и хожу за тобой.

А он сказал, что ничего не маленький и скоро станет еще больше. Мне кажется, именно тогда он уже стал немного

взрослее меня. А потом стал еще взрослее, и еще. И выше. И так оно все и продолжалось: он рос и рос. Но все началось именно той осенью, когда он прошел весь город вдоль и поперек.

Хрупкий аристократизм

Наш папа всегда был очень хрупким человеком, все время ломал себе чего-нибудь. То ногу, то ребра. Мама считает, это у него из-за аристократизма. Он родился в какой-то очень древней семье, то есть эта семья имела какие-то глубокие корни, и все его родственники были благородных кровей. От этого многие из них страдали от истерик и смутных желаний. Видимо, из-за крови у папы была тяга к неизвестным далям, хотя точно это еще неизвестно. Но что совершенно ясно: из-за своей аристократических кровей он был очень хрупким и легко ломался.

Станет надевать пиджак — вывернет руку. Начнет вставать с постели — упадет на кошку. Пойдет открывать дверь — запнется о ножку стола и сломает мизинец на ноге. Полезет, к примеру, на чердак и промахнется ногой мимо ступеньки. Пожалуйста — через секунду уже лежит на полу со сломанной ногой. Санитары скорой помощи, пока укладывают его на носилки, обязательно уронят. Домой его приходилось везти на такси. Потому что с загипсованными ногой, рукой и челюстью в троллейбус не полезешь. Пожалуй, еще водитель испугается и не сможет ехать. А таксисты, что возле больницы дежурят, привычные, они и не такое видели, везут спокойно, лишний раз не трясут.

Самым безопасным для него было спать на диване и никуда не ходить. И то он умудрился испортить себе зрение и пролежать лысину на голове.

Мама говорила, что когда-то давно, пока они с папой еще не поженились, он был очень элегантным и аристократичным молодым человеком. На встречи приходил в костюме-тройке, надевал галстук. Правда, иногда забывал чистить ботинки, но это такая мелочь, что на нее стыдно обращать внимание. На каждом свидании дарил ей цветы или конфеты, провожал до дому. Подавал пальто. Каждый раз говорил комплименты. Он и потом говорил комплименты, я слышала. Правда, уже не маме, а своим знакомым женщинам.

— Какая красивая ты стала, — говорил папа старой подруге со своего прежнего двора, — а была просто гадким утенком.

— А на этой фотографии и не поймешь, кто старше: ты или Ленка, — отвешивал комплимент нашей тете, своей сестре. При этом ее взрослая дочь, наша двоюродная сестра Лена, стояла тут же. Не знаю, нравились ли ей такие слова.

Когда мы всей семьей ехали куда-то на троллейбусе, папа выбегал на остановках, подавал каждой женщине руку и помогал подняться по ступенькам. Однажды чей-то ревнивый муж выбил ему за это зуб.

Чтобы кондуктор не скучала, папа считал своим долгом разговаривать с ней всю дорогу.

— Как вам идет эта сумка, — обыкновенно начинал он разговор, — как билеты гармонируют с цветом вашего лица. Как художественно вы шелестите купюрами.

Никакая кондуктор не могла устоять против этого приема. Я заметила, многие из них его прекрасно знали и, как только мы появлялись в их троллейбусе, начинали широко улыбаться и недобро коситься на маму.

— Не обращайтесь внимания, — успокаивал папа, — это моя жена.

И продолжал разговаривать. Однажды мы решили проучить его, вышли на одну остановку раньше. Домой папа вернулся через неделю. Оказывается, в тот раз он укатил в неизвестные дали на общественном транспорте. Илюха неделю во всех подробностях изучал городской маршрут № 3 и не увидел ни малейших признаков этих самых далей.

Иногда мы сомневались, что папа настоящий аристократ. Но однажды он доказал это на деле. Точнее, это были слова, которые обернулись настоящим делом. Однажды поздним вечером мы возвращались из сада, шли с вокзала. Мама ждала нас у окна. Она всегда, когда не ездила в сад, стояла вечером у окна и ждала нас. До дома оставалось совсем ничего, и тут из-за угла вышла целая орава дядек самого грозного вида.

— Эй, мужик, — крикнул кто-то из них, — закурить у тебя не найдется?

— Не имею дурной привычки, — самым приветливым голосом ответил папа, — видите ли, джентльмены, я берегу свое здоровье, мне хочется дожить до того времени, когда по моему дому будут бегать внуки.

— Дак чего, нету, что ли? — не поняли джентльмены.

— И никогда не было.

— Не дашь, что ли? — до них опять не дошло. Редкостные тупицы.

— Нет, — ответил папа, и мы пошли дальше. Он как-то ускорил шаги и велел нам идти домой вперед. Уже когда мы подбегали к дому, видели, что по воздуху летают бутылки и камни. Их кидали мужики вслед нашему папе. Но он, как самый настоящий аристократ, шел, не опуская головы, не сбиваясь на бег, не оглядываясь. Папа шел, пока какая-то бутылка не угодила ему в голову. Людмила страшно

завизжала, и они все разбежались. После этого случая наш папа лежал на диване целых полгода. Все это время у него болела голова. Особенно по утрам, как бывает только у аристократов.

Трудно складывающиеся отношения

Так всегда говорила наша соседка Любовь Николаевна. Это она про нас. Про нас и наших соседей. Илюха гонял босой по двору, папа уходил в неизвестные дали, Нина все время молчала, Людмила всюду лепила пластилиновую посуду, я мешалась под ногами, Витькой интересовались какие-то инспекторы. Плюс к тому мы то и дело приводили к себе собак и кошек. Наш маленький домик с чердаком и гаражом стоял во дворе многоэтажки. И новое зверье интересовало всех. Точнее, всем хотелось, чтобы животных не было. Чтобы они не лаяли и не мяукали. Но как им не лаять? Смешные люди иногда встречаются.

У нас таких смешных был целый двор. То им босыми не ходи, то расти побыстрее, чего остановилась!

Сами-то хороши! На втором этаже соседской восьмэтажки жил дед Поняешь. Не знаю, как его звали на самом деле. Он все время говорил слово «поняешь». С вопросительной интонацией. Переводилось так: «Понимаешь?» Деду хотелось, чтобы его все понимали. Но это было сложно.

Как-то раз он принес нашей маме карнавальную маску и сказал:

— Вот, Вера, поняешь, захотел тебе подарок подарить.

Через десять минут он ушел довольный. Мама разрешила ему посадить у нас под окнами морковку, да еще дала двадцать рублей. Он всегда выпрашивал у нее деньги. А она всегда отказывала. Но он говорил:

— Это за твоих детей, поймешь? Я же культурно.

И покупал бутылочку. А потом пел песни. Из-за этого на маму косо смотрели другие соседи. Как раз после того, как дед Поняеш посадил у нас морковку и хорошо отметил это, к нам пришла Любовь Николаевна с пятого этажа. Жаловалась на деда. Она работала аккомпаниатором у знаменитых певцов — школьного образцового хора «Младёшенька». А у деда не было слуха. Зато голос такой, что она слышала на своем пятом этаже. Пока соседка жаловалась, из школы пришла Людмила, которая пела в этом образцовом коллективе. И не любила его от души.

— Ну и что? — сказала она. — Слуха нет. У меня тоже нет. Но я же пою.

И она запела! Любовь Николаевна заткнула уши и выбежала из нашего дома. С тех пор Людмила стала петь в хоре в голос. До этого просто раскрывала рот, и никто не догадывался, что ей на ухо наступил медведь. Каждый раз, когда моя сестра открывала рот на занятиях, Любовь Николаевна морщилась. Пыталась заткнуть уши, но руки были заняты — она играла на пианино. В конце концов Любовь Николаевна пришла к директору школы с ультиматумом.

— Или я — или она! — сказала аккомпаниатор. Директор выбрал ее, а Людмилке предложил перейти в кружок ответственной лепки из пластилина. Это даже хорошо, ей там больше понравилось. А Любовь Николаевна ускоряла шаги, едва увидит Людмилку. И сестра как будто невзначай начинала напевать. Чаще всего что-нибудь классическое, это сложно петь даже человеку с хорошим слухом.

— Как трудно складываются отношения! — сокрушалась Любовь Николаевна. — Где справедливость?

Но все эти восклицания уходили в воздух.

Неизвестные дали

Наш папа все время что-то придумывал. То одно, то другое. То что-нибудь еще. Иногда хорошее, но чаще какое-то нелепое, странное. Например, никак не могу забыть, что он придумал отдать меня в художническую школу.

Но больше всего папа любил уходить в неизвестные дали.

Однажды он пошел выбрасывать мусор. Мама дала ему в руки ведро и вышла проводить к двери.

— Может быть, ты передумаешь? — сказал ей папа.

— Нет, — ответила мама, — это недолго.

— Но ты же знаешь, к чему это может привести, — папа поставил ведро на пол.

— Ничего плохого не случится, — мама снова отдала ведро папе, — иди с миром.

Сначала нам казалось, что ничего страшного не произошло. Папа вернулся к вечеру с пустым ведром и сразу лег спать. Утром он спросил у мамы, нет ли мусора, может быть, пора вынести? Мама выдала ему пачку старых газет. На этот раз папа вернулся быстро, минут через двадцать, грустный-грустный.

— Что случилось? — спросила его мама.

— Ничего, — ответил он, — а у нас есть энциклопедия?

Энциклопедия у нас, конечно, была. И не одна. Мама достала из шкафа медицинскую и детскую энциклопедии. Я принесла энциклопедию художественного творчества, Илюха — справочник по географии и словарь трудных слов. А Людмилки, Нины и Витьки тогда еще не было, а то они тоже чего-нибудь принесли бы.

Медицину папа отбросил почти сразу. В детской энциклопедии не нашел того, что искал. В мою художественную даже не заглядывал. Пролистал словарь трудных слов, проверил

какую-то сочетаемость и взялся за географию. Листал до вечера, потом вызвал для разговора Илюху. Оказывается, хотел узнать, почему в справочнике ничего нет про неизвестные дали. Спрашивал, есть ли в доме еще что-нибудь по географии. Илья принес все карты, какие у него были, все тетрадки, энциклопедию по геополитике, учебник агрономии и справочник о строении земной коры, а также хронологическую таблицу развития Земли. О далях там ничего не было. Только о долинах.

Несколько дней наш папа думал, не вставая с кровати. Потом попросил у мамы ведро с мусором и пропал на три дня. Прямо в тапочках, трико и телогрейке. Вернулся он в ботинках и костюме. Мне больше всего понравился галстук — с зелеными бутылками. Папа не особенно распространялся, откуда это все. Сказал только, что из неизвестных далей. И улегся спать. Прямо в костюме. Брат нахмурился и сам полез в словари. Но ничего напоминающего неизвестные дали не нашел.

На следующий день папа снова ушел. На этот раз его не было два месяца. Вернулся он в своей старой телогрейке, трико и тапочках. Смотреть на него было жалко, и мы не смотрели около года. Все это время он извинялся перед мамой, сам готовил завтрак и пылесосил. В конце концов мама доверила ему выбросить мусор.

Папа долго думал, что надеть. То примерит старый пиджак, то новый свитер наденет. Зашнурует кроссовки и тут же ищет ложку, чтобы обуть ботинки. Собирался до вечера, но выйти с ведром так и не решился. Но с тех пор перестал извиняться перед мамой, ничего не готовил, а пылесос передал Нине. Так прошло полгода. Все это время папа лежал на диване и громко командовал, кто и чем должен заниматься. Мама пыталась его поднять, переворачивала диван,

надеялась, что он скатится. Но папа не падал. Привязался он к нему, что ли? Мы так и не поняли.

А однажды утром он встал. Сам. Побрился, натянул свою любимую кофту, брюки — так он когда-то ходил на работу. Нацепил очки. Развернул газету и начал читать. Мама решила не подавать вида, что удивлена. Будничным голосом попросила его вынести мусор. Папы не было несколько месяцев.

Честно говоря, эта история повторялась еще не один раз: иногда он уходил на пару недель, а бывало, мы ждали его полтора года. Он возвращался — то в новом костюме, то в чьей-то старой одежде. Как-то раз зимой он пришел в одних семейных трусах и валенках. Однажды мы думали, что он уже не вернется, но тут дверь распахнулась, и папа появился в новой кожаной куртке. Каждый раз он заявлял, что был в неизвестных даях. Мой брат Илюха голову сломал, от корки до корки прочитал все справочники, переписывался с разными профессорами, но так и не понял, где это.

Мы с Ниной, Витькой и Илюхой быстро привыкли к такому поведению нашего папы. Но мама и Людмила скучали по нему. Это было видно. Поэтому я не люблю неизвестные дали.

Откуда Нина

Самым странным человеком у нас была Нина. Нет, конечно, чудачил и папа. Но это как раз нормально. Наоборот, странно, если папа никогда ничего не выкидывает. Я таких, например, не видела. Мне кажется, таких нет. Каждый что-нибудь да придумает.

Но Нина! Нина всегда молчала. Долго и непонятно. Кто-то молчит коротко и понятно. Или долго, но все равно ясно. Например, обиделся, вот и не разговаривает. Или смотрит

в окно, а там — снег. Красиво. Молчит, чтобы красоту не спугнуть. Тут никаких тайн. Почему молчала Нина, никто не знал. Она не обижалась. Никогда. Может быть, думала. Даже Наверняка думала. И молчала. Почти всегда. Почти во всех ситуациях. В любой местности. Со всеми. Иногда говорила с мамой. Первое время шепотом, но постепенно начала и вполголоса. При этом назвать ее трусихой — да никогда! Как бы мы ни пытались ее разговорить — это было бесполезно. Говорила она только в крайних случаях. Например, если хотела пить. Если было больно. Если было больно кому-нибудь.

После кино выйдешь с ней из зала, спросишь: понравилось ли? А она пожмет плечами и отвернется. А иногда уткнется тебе в плечо и заплачет. То ли фильм не понравился, жаль потраченного времени, или это ей так жалко героев? Поди разгадай. А может быть, фильм ей понравился, и она плачет от счастья, что увидела его? Молчала она в цирке, на колесе обозрения, в деревне, дома. И только когда мы полетели на самолете, Нина долго, не отрываясь, смотрела на землю. А потом сказала: «Красиво». Пилот, который уже смирился, что она ничего не произнесет, на секунду потерял самообладание и чуть не остановил самолет прямо в воздухе. К счастью, летчиков учат, что даже в непредвиденных ситуациях нельзя теряться. Мы сели.

Загадочнее всего были ее ноги. Да, они всегда были такими крупными, что мне, например, каждый раз, когда я на них глядела, становилось страшно. Я думала: откуда у обычного человека могут быть такие ноги? Откуда? Длинные — это раз. И большая стопа, то есть большой размер ноги, — это два. Когда Нине исполнилось восемь, мы не смогли подобрать для нее обувь. Обошли все магазины, ее размер был только в мужских отделах. А на рынке большие

женские туфли и кроссовки были, но очень ненадежные — разваливались через две недели. Так что мы всегда покупали ей пар по пять, а то и по десять. Некоторые продавцы давали неплохую скидку, кстати. А другие, наоборот, смотрели с недовольством. Думали, мы берем, чтобы потом перепродать, и накручивали цену. Тогда мама (или папа) выводили Нину, она всегда в это время пряталась у них за спиной. И продавцы понимали, что мы никому ничего продавать не будем, просто обувь на этой девочке быстро разваливается. И продавали. Приглашали прийти еще. Родители прикидывали, надолго ли Нине хватит обуви, и говорили точную дату следующей покупки. К тому дню всегда обувь рвалась, а продавцы приносили на рынок новые туфли и кроссовки. Неудивительно, что Нина все время пряталась за родителей. Она стеснялась своих ног.

Зато уж мальчишкам из соседних домов от нашей Нины не было покоя! Тот, кто решался что-нибудь обидное сказать ей, тут же жалел об этом. Потому что Нина в два счета догоняла любого. Любого! Куда этим коротконогим убежать от нее! А когда догоняла — все! — пиши пропало. Пиналась Нина здорово! Еще бы, такими ногами.

Однажды из-за этого с ней произошла странная история. В незнакомом районе она увидела, как пятеро мальчишек напали на троих девчонок. Они кидались в них грязью и репьем, обзывали, дергали за косы. Нина не могла спокойно смотреть на это. Она одна разогнала всех парней. Правда, девочки сначала испугались ее, разбежались. Но, увидев такое дело, подошли и спросили:

— Парень, а ты откуда?

Нина молча пошла дальше. Надо сказать, в то время она любила носить шорты и коротко стриглась. Как мальчишка. Она молча шла по своим делам, но девочки не отставали. Они

всё спрашивали, откуда он тут, интересовались, как зовут. Нина не обращала внимания. Так они прошли два квартала.

— Ну, парень, ну ты откуда тут?

— Как тебя зовут?

Наконец Нина не выдержала и ответила:

— Нина.

Девчонки замолчали и немного попятились. Но потом опомнились и закричали:

— Нина!

— Ты чего?

— Какая Нина?

— Эй, парень, с ума сошел?

— Ну как тебя зовут?

Нина снова сказала им:

— Нина.

— Но парня не могут звать Нина! — закричала одна из них.

— Я не парень, — сказала Нина, — просто в шортах. И волосы короткие.

— Не парень, как же! — не поверила та же девочка. — Мы же видели, как ты бегаешь!

— И пинаешься, — добавила вторая.

— И плюешься! — крикнула третья. Это правда, Нина здорово умела плевать.

— Да девочка я! — сказала Нина и прибавила шаг. Кажется, она еще никогда не говорила так много.

Но и девчонки решили не отставать. Нина шла, а они бежали и бежали за ней.

— Мальчик Нина! Мальчик Нина! Мальчик Нина! — кричали они на всю улицу.

И тут Нина побежала. Она бегала быстро, но район был незнакомый, и это мешало. И вот она заскочила в какой-то

маленький домик, быстро скинула кроссовки и понеслась в комнату. Это был наш дом. Это была наша с Людмилкой комната. В доме никого, кроме меня, не было. Удивительно, как она угадала, что именно наша дверь открыта.

Нина сразу же повела себя как дома. То есть сняла обувь, залетела в комнату и полезла под кровать. Как будто знала, где и что у нас располагается. Тут же кто-то постучал в окно. На улице стояли три девчонки. Они тяжело дышали — явно долго бежали.

— Эй! — крикнули они. — Эй, позови его!

— Кого? Вы кто? — Не каждый день в окно стучат незнакомые девчонки.

— Ну, его.

— Парня.

— Он к тебе забежал.

— Нину.

Я задумалась. Действительно, кто-то только что пригнал и спрятался под кровать. Но я не была уверена, что это парень, и не знала, как его зовут. Одно из двух: или парень, или Нина. Девчонки снова постучали. Тогда я заглянула под кровать и спросила:

— Ты парень?

Кто-то под кроватью замотал головой.

— Тут нет никакого парня, — сказала я девчонкам. Но они не уходили. Пошептались немного и спросили:

— А Нина? Нина тут есть?

Я снова полезла под кровать:

— Ты — Нина?

Там кивнули.

— Есть, — сказала я девчонкам, — Нина есть. А парня нет. Никакого. А вам чего?

— Нам Нину.

Пришлось снова лезть под кровать:

— Это тебя.

Нина выбралась и погрозила мне кулаком. Встала у окна.

— Мы тебе не верим, — сказали девчонки.

— Ты не девочка.

— Ты мальчик.

— Не ври.

Тут заговорила Нина.

— Девочка, — сказала она. Помолчала и добавила: —
Нина.

Девчонки снова посоветовались, и одна из них, в платье с горохами, сказала:

— Докажи.

Тут уж не выдержала я:

— Как это? Вы что, как?

— Пусть покажет, — ответила та же девочка.

Мы с Ниной переглянулись. Лицо у нее побелело, шея стала красной, а глаза — мокрыми. Вот-вот заплачет.

— Она не будет, — сказала я.

— Значит, это парень, — ответили под окном, — мальчик Нина!

И тут они начали орать на три голоса: «Мальчик Нина! Мальчик Нина!» Совсем сдурели.

Мы ушли в другую комнату, но и там было слышно их вопли. Кажется, они решили сообщить всей улице про мальчика Нину. Прошел, наверное, год, а они все вопили и орали. Иногда я не выдерживала, убегала в свою комнату и кричала им из окна, что они дуры. Не помогало. Эти ненормальные начинали гадать еще громче. Теперь Нина сидела с красным лицом и с белой шеей. Странное зрелище, скажу я. И вот она не выдержала и пошла в мою комнату. Я осталась в гостиной, но слышала все.

— Я не мальчик, — сказала Нина.

— Докажи, — это снова та, с горохами, я уже запомнила ее голос.

Наступила тишина. Не слышно было ничего. На улице замолчали. Не знаю, сколько это продолжалось. Потом кто-то под окном выдохнул:

— Девочка.

Когда я заходила в комнату, Нина как раз спрыгивала с подоконника, а под окном кричали:

— Ты девочка! Девочка!

Но Нине было безразлично. Она быстро забралась под кровать и пролежала там до вечера. Все уже пришли домой, а Нина все не вылезала. Ночью я рассказала маме, что произошло. Она вышла с Ниной на улицу, и они долго разговаривали о чем-то, сидя на крылечке. Потом мама принесла из кладовки раскладушку и поставила в нашей комнате. Все уже спали, никто ничего не слышал. Так у нас появилась Нина. Никто, кроме меня и мамы, точно не помнит, откуда она взялась. Вроде бы только что ее не было, и вдруг — раз! — и она рядом с нами. Так Илюха говорит. Людмила же, наоборот, думает, что Нина была у нас всегда. А мы с мамой молчим.

Лом черных металлов

Мы решили отправиться в путешествие. Всей семьей. На велосипедах. В гараже стоял только один наш велосипед и одна чужая машина. В яме картошка. Ее мы тоже решили взять с собой, но сначала нужно было где-то достать велики. Маме, Людмилке, папе, Нине и мне. А у Илюхи уже был, в гараже стоит.

В субботу никто не ложился спать. Как только стемнело, папа велел всем одеваться.